

Гайбарян О. Е.

ИДИОЛЕКТ Г. ГАЗДАНОВА И ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/23.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 52-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Ср.: [Venir con estos] - Es que es lo que más me gusta (C.J.Cela p. 109).

Здесь собственно происходит расширение конструкции эмфазы простого предложения (Lo que más me gusta es venir con estos) за счет вкрапления es que, а также опущение компонента venir con estos.

Другой тенденцией экспрессивизации высказывания является опущение экзистенциального глагола ser в моделях эмфазы простого предложения (lo que pasa que ...), отмечаемого в языке жителей Севильи [Cano 2001: 81]. Ср. Lo que pasa que después, el viernes, pues, me ocupa toda la mañana con lo gordo de limpiar todas las habitaciones «Дело в том, что потом, в пятницу, все утро я гордилась тем, что убрала все комнаты» [там же, с.81]. Здесь имеет место восстановление полного варианта эмфатической структуры (lo que pasa es que, а не lo que), а затем опущение es, что является «экспликацией тенденции к одновременному расширению и сокращению, которая наиболее часто имеет место в процессе спонтанной речи» [Зеликов 2005а: 316].

То же и в Валенсии: Ср. ...pues mira lo que dice el juez que eso ↑/es anticonstitucional... «послушай, судья говорит, что это антиконституционно» (Cdcc p. 187).

Отметим также инверсионные трансформации настоящей модели с lo que: Ср.: demasiao / porque nos estamos ya// enredando lo que pasa (Cdcc p. 189) «слишком, потому что мы уже себя втянули (в эту ситуацию), вот что происходит», где наблюдается изменение естественного порядка слов, а также опущение es que ← lo que pasa (es que) nos estamos enredando ya.

Заслуживает внимания и компрессивная модель (опущение lo que) [Зеликов 2005а: 317]: Ср.: ((lo que)) pasa es que te cuesta VEINTE mil o treinta mil pelas (Cdcc p. 89) «Дело в том, что с тебя ДВАДЦАТЬ тысяч или тридцать тысяч шкур сдерут».

Опущение es встречается и в других конструкциях эмфазы простого предложения.

Ср.: ...la verdad que yo no-no veo películas ni de Almodóvar ni nada de eso [Galué 2002: 34] «Дело в том, что я не смотрю ни фильмы Альмодовара, ни ничего подобного».

Таким образом, возможности усиления экспрессивности структур синтаксической эмфазы имеются и на уровне синтаксиса. Структурная неполнота и структурная избыточность являются органической чертой спонтанной речи. Интенсификация структур синтаксической эмфазы отражает «две основные противопоставленные друг другу тенденции к компрессии и расширению высказывания» [Зеликов 2005b: 20].

Список использованной литературы

1. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. - М., 2002. - 280 с.
2. **Зеликов М. В.** Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. - 448 с.
3. **Зеликов М. В.** Синтаксис испанского языка: особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания. - СПб.: КАРО, 2005. - 304 с.
4. **Зеликов М. В.** Синтаксическая эмфаза в испанском языке. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1987. - 83 с.
5. **Cano P. C.** Las construcciones con lo que y su uso en el habla de Sevilla // Sociolingüística andaluza 12. Identidad lingüística y comportamientos discursivos. - Universidad de Sevilla, 2001. - Pp. 63-98.
6. **Galué D.** Marcadores conversacionales: un análisis pragmático // Boletín de Lingüística. - Venezuela, Caracas: Universidad Central de Venezuela, 2002. - V. 18. - Pp. 27-48

Список источников примеров и их сокращений

1. **Arniches C.** La venganza de La Petra. - Ed.Castalia Prima 22. - 2002. - 112 p.
2. **Cela C. J.** Novelas cortas y cuentos. - Moscú: Editorial Ráduga, 2001. - 256 p.
3. **Corpus de conversaciones coloquiales** (Cdcc) // Antonio Briz y Grupo Val. Es. Co. - Madrid: Ed. Arco Libros, SL., 2002. - 382 p.
4. **El semanal ABC** // Del 30 al 6 de junio de S.A. - Ed. Taller de editors, 2004. - № 866.
5. **Kurtz C.** Oscar-agente secreto: Учебное пособие для чтения и обсуждения / Составители С. И. Канонич, В. А. Тёмкин. - М.: Издательство «Менеджер», 1999. - 160 с.

ИДИОЛЕКТ Г. ГАЗДАНОВА И ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ

Гайбарян О. Е.

Южный федеральный университет (РГУ)

Лингвистическое изучение эмигрантских языков началось не ранее середины XX века, и постепенно оно становится все более интенсивным. Работы, посвященные русскому языку зарубежья, по понятным причинам, вначале публиковались за пределами России (СССР), авторами их были, как правило, сами русские эмигранты (Н. А. Тэффи, С. и А. Волконские и др.); позже к русскому эмигрантскому языку проявили внимание зарубежные филологи. См. обстоятельную библиографию в: [Русский язык зарубежья 2001: 3-6]. Самый активный период в изучении русского эмигрантского языка в нашей стране начинается в 1990-е гг., когда были опубликованы работы Н. А. Кожевниковой, Л. М. Грановской, Е. А. Земской, Н. И. Голубевой-Манаткиной, С. Е. Никитиной, Ю. Н. Караулова. В 2001 году вышли в свет две коллективные монографии, посвященные русскому языку зарубежья: «Русский язык зарубежья» под ред. Е. В. Красильниковой и «Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты» под ред. Е. А. Земской. В 2002 году была защи-

щена докторская диссертация И. В. Голубевой «Опыт создания коллективного речевого портрета», материалами для которой стали тексты писателей первой волны русского зарубежья (Г. Иванова, И. Одоевцевой, Н. Берберовой и др.).

Ю.Н. Караулов [1992: 5] рассматривает язык русского зарубежья как самостоятельный способ бытования русского языка, как отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными, его ипостасями в метрополии: современным литературно письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь - в СНГ.

В языке зарубежья, оторванном от живой практики основной массы носителей русского языка, естественна определенная архаичность. Ср. отмеченное Е. А. Земской [1999: 252] употребление в эмигрантской речи слова *перо* в значении 'ручка', отвержение советизмов (не *зарплата*, а *жалованье*). Так, Г. Газданов во все периоды своего творчества использует (и в авторском повествовании, и в диалогических репликах) слово *править* в значении 'управлять автомобилем':

Она прекрасно умела править, но все-таки на поворотах и перекрестках мне каждый раз хотелось закрыть глаза и забыть о том, что происходит (Призрак Александра Вольфа);

- *Я до него не дотронулся, - испуганно сказал Дуду. - Честное слово... Я хотел его немного напугать... А править я умею... ты мне поверь...* (Пилигримы);

- *Нет, с тобой я буду спокойней. Ты сядешь за руль, - ты понимаешь, в таком состоянии я не могу править, я с трудом доехал до Мервиля к тебе...* (Эвелина и ее друзья).

Все газдановские герои летают на *аэропланах* (даже в 1968 году): *Я знаю, что некоторые из нас могли быть далеко отсюда, их могло отделять огромное расстояние, но, в сущности говоря, оно измерялось бы только одним - билетом на аэроплан* (Эвелина и ее друзья); *Ты прилетел первым аэропланом из Сицилии, когда узнал, что Мервиль ранен...* (Эвелина и ее друзья); *Когда аэроплан, на котором улетал Мервиль, поднялся в воздух, мы вернулись к машине в молчании* (Эвелина и ее друзья). Между тем С. И. Карцевский еще в 1923 году отмечал: «С развитием авиации возникло и укрепилось слово *летчик*, которое вытеснило иностранное *авиатор*; но *самолет* в значении *аэроплан* (по типу самокат, то есть велосипед) не привилось». Теперь мы употребляем именно *самолет*, оставив за словом *аэроплан* только специфические обозначения. См. об этом: [Караулов 1992: 7].

- Вместо диктор (радио) у Газданова фигурирует *спикер*: *Я сидел однажды вечером дома и включил аппарат радио. Играл оркестр, и я стал следить за этим движением звуков. <...> Что это было? Голос спикера сказал: «Вы прослушали "La Danse macabre" Сен-Санса в исполнении оркестра Парижской оперы под управлением Артура Тосканини»* (Эвелина и ее друзья).

- Нестандартная сочетаемость названий новых реалий указывает на отсутствие необходимого погружения в языковую среду. Ср.: *Потом я обратился к шуруину и сказал, что, по-моему, пора идти домой; и я взглянул на свои часы - была половина второго. - Придется брать автомобиль, - подумал я, - метрополитен уже не ходит* (Гавайские гитары).

Причина указанных языковых особенностей прозы Г. Газданова сформулирована в ощущениях главного героя рассказа «Гавайские гитары»: *как давно и безнадежно я живу за границей. Отсюда старинные числовые формы типа досуги: К тому, чем он заполнял теперь свои многочисленные досуги, он никак не мог привыкнуть* (Эвелина и ее друзья); *Иногда он жил в прекрасном доме возле Булонского леса, проводил свои досуги в чтении Кокто и Валери и ездил в декоративном автомобиле кремового цвета...* (Эвелина и ее друзья). В текстах Газданова встречаются устаревшие грамматические формы типа *фильма* - ж.р.: *Однажды он смотрел веселую американскую фильму на бульваре Барбес* (Мартын Расколинос).

Ставни, как известно, закрывают, а жалюзи - опускают. Однако ср.:

- *Выпрямившись во весь свой гигантский рост, он шагнул по середине дороги, и ему казалось, что из-за опущенных ставен на него смотрят чьи-то глаза* (Пилигримы);

- По-русски не говорится *слушать аппарат радио, включить аппарат радио*; обычна сочетаемость без слова *аппарат*. Ср.: *Потом он брал на колени Жанину и рассказывал ей, что он снимет большую квартиру и будет сам принимать заказы, и к нему будут приходиться клиенты, а в столовой будет стоять аппарат радио, по которому можно слушать Америку* (Пилигримы); *Артур писал: «Я сидел однажды дома и включил аппарат радио* (Эвелина и ее друзья). Ср. также: *Задержан? - спросил Фрэд [у таксиста]* (Пилигримы); *Шансы Роберта будут скомпрометированы* (Пилигримы).

В дискурсе Газданова практически отсутствуют авторские окказионализмы. Образования типа ненормативного «безбурно» (употребленного в рассказе «Шрам») единичны: *...ее существование протекало почти спокойно и почти безбурно.*

Язык зарубежья может быть охарактеризован не только по наличествующим чертам; отсутствие каких-либо строевых элементов также может быть значимым. В языке зарубежья в целом и в дискурсе Газданова в частности нет того, что составляет характерную примету русского языка советской эпохи, - аббревиатур. Хотя в самой России раздавались голоса протеста против тотальной аббревиации (например, «Известия» писали в 1923 году о том, что сокращение слов носит иступленно-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной; см. об этом: Русский язык зарубежья, 2001: 13), однако на масштабах явления это никак не отразилось. Как отметил В. Р. Тихомиров [2005: 360-361], сразу

после «октябрьского путча» идеология настигла наш великий и могучий язык и вскочила ему на плечи, «как ведьма на Хому Брута» «Прежде всего: ураганная Передовая Идеология принесла русским людям безотказное средство против напевности их языка. Как немедленное эхо выстрела «Авроры» горохом посыпались казенные сокращения слов и словосочетаний, напоминающие уже не слова, а короткие пулеметные очереди. *Рабкрин. Рабкор. Комбед. Губчека. Шкраб. Облсовпроф. ВЦСПС. КПСС. Агропром.* И под конец, при самой агонии режима - *ГКЧП*. Каждое слово имеет мелодию и зрительный образ. В сокращениях мелодия изрублена, зрительный образ предельно искажен. В «*рабкрине*» и «*рабкоре*» видится и слышится не «*рабочий*», а «*раб*» (что и закреплялось навечно реалиями жизни в Соцлаге). К «*комбеду*» видишь и слышишь прежде всего «*беду*». В «*губчеке*» - какую-то «*губу*». В «*шкрабе*» - монстра гораздо страшнее краба... Ну скажите, есть ли что-нибудь напоминающее язык Гоголя и Лескова в блеющей аббревиатуре «*взэлкаэсэм*»? В этом фонетическом чуде с четырьмя «э»? А мы привыкли - и ничего, семьдесят лет блеяли» [Тихомиров 2005: 360-361]. Тесная связь аббревиации с «советским миром» ощущается как исследователями, так и носителями языка. Противники революционных (и языковых) перемен фиксируют неразрывную связь аббревиации с новым революционным временем: «Учреждения переименовывались в **главки, хозы, центры, комы** и стали именоваться по начальным слогам или буквам, и таким образом старорежимное Главное Военно-Инженерное Управление, Главное Артиллерийское Управление и т.п. превратились в ГВИУ, ГАУ и приобрели «**революционный**», «**рабоче-крестьянский**» вид» [Карцевский 2000: 211]. Авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество» полагают, что аббревиация - яркий пример непосредственной (и опосредованной) зависимости языка от истории общества. Аббревиация, прямо или косвенно, была обусловлена теми переменами в жизни общества, которые произошли в результате революции. Это прежде всего перестройка государственного аппарата, исключавшая преемственность в названиях органов государственного аппарата. Изгоняются «скомпрометировавшие» себя наименования, бывшие символами эксплуататорского строя. При конструировании новых наименований с использованием нейтральных существительных к последним обязательно добавляются «дифференцирующие» прилагательные: *комитет - революционный, комиссия - чрезвычайная, армия - рабоче-крестьянская*, и из этих сочетаний затем создаются аббревиатуры. На протяжении всех лет советской власти и в постсоветское время этот тип словообразования укреплял свои позиции и стабилизировался. Интересно, что в Словаре языка Совдепии около полутора тысяч аббревиатур, то есть 25 % всего словаря.

Ясно, что «язык рассеяния» отсекал все эти новшества: они были не актуальны для эмигрантов по экстралингвистическим причинам, а, кроме того, отвергались как не соответствующие духу исконного языка, за который, по словам С. М. Волконского [см. Грановская Л. М. 2001: 12, 288-310], нужно было держаться «с остервенением, руками, ногами и зубами».

Эмигрантский язык избежал и другой болезни, сделавшей русский язык в СССР «новоязом», «деревянным» языком. Как известно, дискурсивные практики могут влиять друг на друга. Наибольший импульс в советское время исходил, естественно, от политического дискурса. Ю. И. Левин [1998: 663], анализируя тоталитарный дискурс, пишет, о том, что в тоталитарном обществе ритуализованная речевая сфера, имеющая в «нормальном» обществе достаточно узкие пределы употребления, разбухает, перерождается и поглощает исконно чуждые ритуалу области. Ритуализованным оказывается не только весь *mass-media* - дискурс, все тексты речей, докладов, и выступлений - все, вплоть до стихов, романов и даже бытовых разговоров. Дискурсивные особенности ведущего (признаваемого таковым) подязыка становятся доминантными в языке в целом. Характерные особенности тоталитарного дискурса определяются тем обстоятельством, что «тоталитаризм... не допускает никакой деятельности, которая не была бы полностью предсказуема. Это относится прежде всего к речевой деятельности. Но если речь заранее предсказуема, то она должна иметь ритуализованный характер, должна быть построена на основе формул-клише» [Левин 1998: 664]. По мере усиления влияния «тоталитарного» дискурса, эмигрантский русский язык все более дистанцировался от русского языка в СССР.

Отношение Газданова к языку революционной эпохи отчасти передано в рассказе «Товарищ Брак». Превращение героини рассказа Татьяны Брак в *товарища Брак* тесно связано с революционными переменами. Слову *товарищ* посвящен специальный раздел в книге А. Вежицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» [1999: 359-368], и там это слово названо символом «длительной и ужасной эпохи» [1999: 360]; именно в этом качестве, по мнению А. Вежицкой, оно заслуживает внимания аналитиков. А. Вежицкая подробно пишет о содержании самого концепта (*товарищ* - человек, близкий к кому-либо по роду деятельности, или человек, связанный с кем-либо общностью взглядов, дружескими отношениями; в случаях различных употреблений слова *товарищ* лежит представление о связи, основанной на одних и тех же жизненных событиях, одинаковом положении в жизни и общей судьбе).

Слово *товарищ* станет одним из самых частотных в советскую эпоху и фактически превратится в термин социальных взаимоотношений. По данным Частотного словаря русского языка (под ред. Л. Н. Засориной), изданного в 1977 году, это слово занимает шестую позицию среди существительных (после таких базовых слов, как *год, дело, человек, жизнь* и *день*), его частотность в корпусе из 1 миллиона словоупотреблений - 1162. Особые функции это слово приобрело именно в советскую эпоху. По замечанию Г. О. Винокура [1929: 100], оно приобрело сходство с личным местоимением. Существительное *товарищ* стало общепринятым обращением с особым демократическим звучанием. В рассказе Газданова героиня, ставшая секретарем

«восьмой секции Всероссийской партии анархистов-террористов», называется чаще всего *товарищ Брак*, даже когда речь идет о поисках ее друзьями, знавшими и любившими ее как Татьяну:

Тогда за розыски товарища Брак взялся Вила, обладавший собачьим чутьем.

И генерал объяснил Лазарю. Что мать товарища Брак очень убивается.

- *Еще есть выход, - сказал генерал. - Проводите нас к товарищу Брак, мы с ней поговорим.*

- *Ср. также: На обратном пути, подпрыгивая в санях, генерал много раз начинал:*

- *- Ах, товарищ Таня...ах, товарищ Таня... -но от волнения так ничего и не сказал.*

- *Но мы уже не могли обрести нашего спокойствия: товарища Брак с нами не было.*

- *Товарищ Брак! Я призываю в свидетели генерала Сойкина и учителя Вилу: нас нельзя упрекнуть в не-рыцарском отношении к вам.*

- *Товарищем стал и бывший коммерсант Сергеев: карательный отряд правительственных войск, во главе с товарищем Сергеевым, захватил дружину анархистки Брак.*

Как видим, слово *товарищ*, вынесенное в заголовок, занимает ключевую позицию и в самом тексте рассказа. Слово *товарищ* прошло сложную «расширяющуюся» историю [Телия 2004: 467], после «концептуального перелома» референция этого слова стала относиться к обозначению члена партии. Именно это обстоятельство фиксируется в номинациях героини рассказа.

В рассказе «Товарищ Брак» только начинает звучать мотив «чужой судьбы», доставшейся герою по «ошибке времени» (ощутимый уже в «Гостинице грядущего» и особенно частый начиная с 1930-х годов), и в реализации этого мотива важную роль играет слово *товарищ*. Татьяна Брак, которой следовало родиться в девятнадцатом столетии и провести жизнь *на мягких кроватях, в экипажах, запряженных лубочными лошадками, на палубах кораблей под кокетливыми белыми парусами*, родилась в двадцатом столетии, и жизнь втиснула ее *в нелепую и жестокую дребедень батальной русской революции*, превратила в *товарища Брак*. Слово *товарищ* не только служит историческим маркером; оно способствует созданию грустной иронии, которой пронизан рассказ. Эта ирония ощущается в соположенности, перечисления в одном ряду того, что составляло святыню в рамках революционной ментальности, с тем, что было заведомо низким:

Это совпало с приходом войск красной армии. Они появились в белом утреннем тумане, после пустынной, выжидательной ночи, наводнили город мохнатыми, заиндевелыми шкурами лошадей, плоскими носами солдат, красными звездами комиссаров и накрашенными лицами проституток, высыпавших на улицы в этот поздний для проституток час. <...> ...гордые знаменосцы волокли на плечах тонкие палки с кусками красной материи.

Обращает на себя внимание использование слова *дружина* в значении 'отряд':

Потом боевая дружина анархистов-террористов покинула наш город. Дружина была расстреляна, спасся один человек - Лазарь Раиевский.

С одной стороны, такое использование предусмотрено словарями, отмечающими не только старинное значение 'вооруженный отряд при князе в древней Руси', но и значение 'войсковое подразделение, войсковая часть в ополчении' (ср. это значение в романе Л. Толстого «Война и мир»: *Я по-настоящему ополченный офицер, только моей дружины тут нет*). С другой стороны, это слово стало типичным советизмом (в сочетании с определениями - *пионерская, народная* и проч.). У Газданова, таким образом, это пример выражения, соответствующего системе, но не совпадающего с узусом и нормой. Для писателя, живущего в эмиграции, такие несовпадения неизбежны.

Многие годы «погружения» в иноязычную среду, изоляция от России, безусловно, оказали влияние на эмигрантский русский язык. Характерно высказывание Бориса Зайцева о Газданове: «...России он почти не видел - маленьким попал в Болгарию и т.п. Писатель даровитый, но впечатление странное производил: иностранец, хорошо пишущий на русском языке...». Более того, к примеру, Ю. С. Степанов сближает Газданова с атмосферой прежде всего французской культуры: в статье с характерным названием «В перламутровом свете парижского утра...» он пишет: «Речь пойдет о неких «лучах и идеях, пронизывающих атмосферу», о бликах и отблесках света... Но это - не свойство самого Газданова, а блики и отзвуки атмосферы, которая его окружает». Этой атмосферой автору представляется «перламутровый свет парижского утра», то есть нечто неуловимое, размытое предрассветными сумерками и потому оставляющее ощущение миража и недосказанности [Степанов 2000: 25].

В начале 1950-х гг. за рубежом уже пишут о существовании двух языковых ветвей языков «эмигрантского» и «советского». В сознании эмигрантов происходит «расподобление» двух русских языков. Русский язык в СССР советизируется, а русский язык зарубежья засоряется иностранными словами и оборотами. С. М. Волконский [Грановская 2001: 296] называл их «незаслуженными пощечинами родному языку». Впрочем, проблема меры использования иноязычных слов была актуальна для русского языка не только в эмиграции. А по прошествии времени особенно ясно, насколько непродуктивны суждения о неприемлемости тех или иных иноязычных единиц как «влияющих на запас умственных понятий затмевающим образом» [Грановская 2001: 298]. Особенно нагляден пример со словом *информация*, отвергаемым в свое время князем Волконским [там же].

Будучи участником французского Сопротивления, Газданов встретился с советскими людьми, психология которых оказалась во многом чужда писателю, как чужд был ему их скудный, выродившийся русский язык. У самого писателя язык великолепен, что всегда отмечалось исследователями (параллельно с указаниями на какие-то литературные просчеты). Ср.: «иногда считается, что части газдановских романов свой-

ственной утрате вкуса, что эстетический компас, выверенный в «ночных дорогах», «сбоит» в иных текстах что в газдановских романах появился нестерпимый привкус Ремарка. Этот привкус, рассуждает наблюдатель, тем более нестерпим, чем более замечателен его русский язык, плавность течения сюжета» [Березин 1999: 75]. Как показывает история литературы, писатель, даже хорошо владеющий несколькими языками, создает серьезные произведения только на одном языке. Газданов прекрасно владел французским языком. Характерно, что в письме к М. Горькому (в марте 1930 года) Газданов писал: «...я плохо и мало знаю Россию, так как уехал оттуда, когда мне было 16 лет, немного больше; но Россия моя родина, и ни на каком другом языке, кроме русского, я не могу и не буду писать». Цит. по: [Орлова 2003: 120]. Г. Газданов стал одним из самых самобытных русских писателей зарубежья, со свойственным только ему «легким потоком языка», живописностью, изобретательностью и непогрешимым вкусом.

Список использованной литературы

1. Березин В. С. Газданов и массовая литература // Вестник института цивилизации / Ред. и сост. А. Черчесов. - Владикавказ, 1999. - Вып. 11. - С. 75-80.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
3. Винокур Г. О. Культура языка. - Изд. 2-ое. - М.: «Федерация», 1929. - 335 с.
4. Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Краснодар, 2002. - 45 с.
5. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. - М.: Научный мир, 1999. - С. 236-257.
6. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. - 1992. - № 6. - С. 5-18.
7. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. - М.: Языки русской культуры, 2000. - 342 с.
8. Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - С. 643-675.
9. Орлова О. М. Газданов. Жизнь замечательных людей: Серия биографий. - М.: Молодая гвардия, 2003. - 275 с.
10. Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 343 с.
11. Русский язык и советское общество (РЯСО). Лексика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1968. - 230 с.
12. Степанов Ю. С. В перламутровом свете парижского утра... Об атмосфере газдановского мира // Возвращение Гайто Газданова. - М.: Русский путь, 2000. - С. 25-39.
13. Телия В. Н. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические перепоутья) // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 266-278.
14. Тихомиров В. Р. Слизь на языке // Личность в пространстве языка и культуры. - Москва-Краснодар, 2005. - С. 359-365.

РОЛЬ СИМВОЛА В ФОРМИРОВАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ганюшина М. А.

Ульяновский государственный университет

В условиях взаимопроникновения культур различных стран и народов особую важность приобретает исследование коэффициента понимания в процессе межкультурной коммуникации. Будучи актуальной, проблема символических свойств языка и языкового знака в рамках языковой картины мира (ЯКМ) открывает перспективу более глубокого осмысления взаимосвязи языка и культуры.

Понимая под языковой картиной мира субъективно-объективное динамическое многоуровневое образование с доминирующим компонентом - лексико-семантической системой языка в рамках общей и национальной культуры, мы исходим из того, что её формирование и становление происходит в ходе символического закрепления фактов чувственного восприятия, понимания и оценки явлений объективной действительности в национально-языковом сознании, в опыте взаимодействия языковых концептов, образов и символов на протяжении культурно-исторического развития языка.

Являясь вершиной эволюции форм человеческого мышления, язык одновременно имеет мифопоэтическое происхождение. Поэтому за основу алгоритма описания ЯКМ следует принять мифологические образы и символы, как наиболее значимые константные компоненты ЯКМ, имея в виду переход к аналитическому рассмотрению символа и знака. Иными словами, слово можно рассматривать как символ, семиотическую формулу того или иного мифопоэтического образа, поскольку мифологическое мышление, в отличие от логического мышления, носило пространственный, конкретный характер, предмет воспринимался на чувственном уровне и его образ отражал только то, что можно было видеть и ощущать. Субъект и объект представляли собой единое целое, где слиты природа и человеческое общество, с одной стороны, и единичность и множественность, с другой. Долгое время не осознанная человеком единичность воспринималась как множественность, но находила своё отражение в образах. Прежде, чем человек сумел вычленив себя из природы, создаваемые им образы мира свидетельствовали об их неразрывности. Так, явления неживой природы выражались через элементы человеческого тела и наоборот. И по сей день для ЯКМ характерна антропоцентричность: *рукой подать*: англ. "it's but a step from smth."; *много - с головы до пят*: англ. "from head